

НАШ ТОВАРИЩ

Николай Петрович Баталов — актер огромного обаяния — выделялся среди своих театральных сверстников особым свойством дарования. Был у него круг образов, которые он воплощал на сцене с особенной проникновенностью. Неискушенные зрители могли бы под влиянием первого впечатления решить, что Баталов в этих ролях «играет самого себя». И это было бы совершенно неверно. «Самого себя» Баталов никогда — ни на сцене, ни на экране — не играл. Но Баталов всегда воплощал в лучших ролях своего репертуара какую-то основную черту своего человеческого и актерского характера.

Мне всегда трудно было определить, в чем именно эта своеобразная черта Баталова. Тем труднее сделать это сейчас над еще свежей могилой Николая Петровича.

Образ Баталова — актера и человека несовместим с мыслью о смерти. Громадное обаяние, которым Баталов пленял зрительный зал, питалось неисчерпаемыми жизнеутверждающими родниками его души.

Рассказывают о последних днях его жизни: он агонизировал в течение нескольких десятков часов, мучительно и ожесточенно борясь с надвигающейся смертью. В последние недели своей жизни, лежа в больнице, он постоянно обращался к навещавшим его близким и друзьям:

— Воздуху! Побольше мне воздуха, мне его нехватает!

Он жестом отодвигал посетителей от окна, от двери, он старался окружить себя свободным пространством.

Любовь к беспредельной жизненной широте одухотворяла всегда Баталова, придавая его актерской работе ту теплоту и обаяние, которое приковывало к нему зрителя и партнеров по сцене, близких, друзей и людей, случайно вступавших с ним в общение.

Озорной был человек Николай Петрович Баталов. Но это было озорство, исполненное внутреннего изящества. Оно давало выход жизненным силам его души.

Баталов был очень изобретателен.

Вспоминается одна его режиссерская находка в спектакле «Слуга двух господ» (постановка Судакова). В финале 5-й картины Труфальдино подает обед одновременно двум господам, не зная, что их обслуживает один слуга. Баталов предложил актеру, исполнявшему роль Труфальдино, изобразить быстро и ритмично раскачивающийся человеческий маятник. Это всей сцене придало неожиданную свежесть и остроту.

В театральном «послужном списке» ролей у Баталова не так уж много, но все они чрезвычайно разнообразны даже в рамках единого амплуа. Николай Петрович играл Лопухина и Собакевича, сторожа в «Растрачках» и Фигаро, Ваську Окорока в «Бронепоезде» и матроса Рубцова в «Блокаде». В кино лучшей ролью Баталова была роль начальника трудкоммуны в «Путевке в жизнь». Теплота и обаяние этого образа остались в воспоминании зрителя, мне думается, навсегда. Той же сочностью, той же жизненностью, но в ином, характерном плане, отмечена игра Баталова в роли Павла Нилова в кинофильме «Мать».

Роль Фигаро Баталов репетировал с Константином Сергеевичем Станиславским. Это была ответственная и трудная работа, ибо Баталов очень уж русский актер и дарование его отмечено особым национальным колоритом. Фигаро из комедии Бомарше — один из наиболее ярких персонажей французского национального репертуара. Актеру необходимо было «переключиться», но не в обычном банальном смысле этого слова. Надо было найти средства, при помощи которых органические свойства русского актера Баталова помогли бы создать образ лукавого, ловко интригующего Фигаро. И Баталов эти средства нашел. Это огромная, не только по затраченным усилиям, но и по достигнутым результатам работа, и она куда сложнее, чем работа над ролью в пьесе национального русского репертуара.

Я знаю — время исцеляет любые раны. Но когда вспоминаешь, что на днях мы похоронили актера, создавшего на сцене МХАТ образ Васьки Окорока в спектакле «Бронепоезд», когда думаешь, что его неповторимая улыбка не заиграет больше ни перед кем, трудно найти слова, чтобы выразить нашу общую скорбь об этой безвременной утрате.

А. ГРИБОВ